

ФИЛОСОФИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ФАНТАСТИЧЕСКОГО

А.Н. Михайлов

Кафедра истории и культурологии
Московский энергетический институт
(Технический университет)

ул. Красноказарменная, 14, Москва, Россия, 111250

В статье предпринята попытка выявить и эксплицировать возможности концептуализации фантастического в рамках классической и постмодернистской парадигм философствования. Исходные концепты, в качестве которых предлагаются традиционные онтологические (бытие и небытие), эпистемологические (вера и сомнение), мировоззренческие (естественное и сверхъестественное) категории, дополняются новыми конструктами из арсенала постнеклассической философии (транссессия и предел). Исследование показывает, что теоретическое осмысление транссессивного опыта фантастического требует преодоления привычных дихотомий реального и нереального, естественного и сверхъестественного, вероятного и невероятного: только такой подход позволяет удерживать смысловое единство изучаемого феномена.

Исследование феномена фантастического сложно отнести к традиционным сферам философского дискурса. При этом базовые для выявления специфики фантастического вопросы, вне всякого сомнения, принадлежат к фундаментальным философским проблемам, во многом определяя статус самой философии, претендующей на всеобщность. Стремление помыслить фантастическое, то есть справиться с ним дискурсивно, есть естественное предназначение философии и должно стать частью ее проблемного поля.

Основное затруднение, связанное с концептуализацией феномена фантастического, заключается в его особой расположенности в структуре бытия, которую можно охарактеризовать, с одной стороны, как онтологически неопределенную, двусмысленную, а с другой, как аксиологически акцентированную, экзистенциально значимую для человека. Этот факт требует привлечения и интеграции различных подходов и дисциплинарных пространств, задачей которых оказывается преодоление отчуждения феномена фантастического и восприятие его в качестве ресурса гуманитарной рефлексии. Если история культуры вообще давно уже превратила фантастику в крупнейший культурно-практический ресурс, то гуманитарная мысль с неизбежностью должна будет воспринять феномен фантастического как новый теоретико-методологический ресурс, нуждающийся в упорядочении и концептуализации.

Вместе с тем отмеченная концептуализация выглядит сколь необходимой, столь и трудно осуществимой. Трудности возникают уже на базовом для любой теории уровне — уровне определения. Как заметил авторитетный теоретик и общепризнанный практик фантастической литературы С. Лем, «взяться за определение фантастичности — значит попытаться решить одну из сложнейших задач, которые человек может перед собой поставить. Границы этого понятия настолько размыты, что само решение — фантастичен данный объект или нет — уже превращается в дилемму» [5. С. 19].

Самое элементарное (и, следует признать, наиболее распространенное) определение фантастического как множества несуществующих в реальности объектов и процессов не упрощает, а, скорее, затрудняет дальнейший разговор об этом феномене. Мы сразу же сталкиваемся с известным в логике и лингвистической философии «парадоксом существования»: хотя почти всегда можно сказать, что существует, а что — нет, с логической точки зрения утверждать, что нечто не существует равносильно самопротиворечивому высказыванию. Не претендуя на сколь-нибудь подробный обзор различных попыток решения «проблемы отрицательных высказываний», отметим, что в общефилософском плане все они связаны с вопросом об онтологическом статусе небытия. В практическом же плане проблема сводится к следующему: если истинному утвердительному суждению соответствует реальное, воспринимаемое субъектом наличие чего-либо, то возникают вопросы: что соответствует истинному отрицательному суждению и каким образом этот элементарный факт «небытия» может восприниматься субъектом?

Классическая философия выводила небытие из бытия. Собственно, со времен античной философии, с характерной для нее абсолютизацией бытия и поиском начала, субстанциальной основы всего сущего, которая если и изменяется, то лишь в своих внешних свойствах, и укреплялось представление о первичности и абсолютности бытия и заведомой вторичности небытия. Бытие и небытие в принципе по-разному соотносятся с реальностью. Согласно классической формуле Парменида, «только бытие существует само по себе, а небытия в сущности нет». Если существование чего-либо укоренено в самой реальности и никак не зависит от того, имеет ли субъект какое-либо — истинное или ложное — мнение по поводу его бытия, то «несуществование» чего-либо проистекает исключительно из мнения социального субъекта (индивида, группы людей или общества в целом) о реальности. При такой постановке вопроса небытие не мыслится как онтологический принцип, а приписывается только сознанию.

Историко-логическая цепочка формирования «несуществующих объектов» фантастического в рамках такого рассмотрения выглядит следующим образом: сначала складывается мнение о существовании какого-то определенного «нечто», затем (принято полагать, что в результате столкновения с реальностью) устанавливается ложность этого мнения. Вполне в духе того иронического определения классического фантастического феномена, который дал Дж. Джойс в «Улиссе»: «Что такое призрак? ... Некто, ставший неощутимым вследствие смерти или отсутствия или смены нравов» [3. С. 180]. В общем, в этой системе координат небытие всегда производно и глубоко вторично: оно представляет собой всего лишь

мнение по поводу мнения, истинное утверждение о ложности предшествующего предположения о реальном бытии чего-либо. При этом вопрос о том, что есть фантастическое с онтологической точки зрения, остается. Является ли оно лишь родом небытия, отрицающим сущее и не имеющим иной опоры, кроме как в отрицаемом? Или все же родом бытия, пусть самым экзотическим и экстраординарным? Сама возможность этого «или» заложена в природе фантастического: даже в определении Джойса дизъюнкция занимает изрядное место.

Если бы не история фантастического, можно было бы согласиться с Парменидом, утверждавшим, что «никогда не докажут, что то, чего нет, существует». Но ведь фантастическое часто предстает попыткой именно такого доказательства, манифестируя различные — пространственные, временные, эмерджентные и т.п. — модусы небытия. В принципе, существование несуществующего подтверждается реакцией на него. Эта реакция — ужас, в котором проступает осознание (или, по крайней мере, ощущение) небытия. Вообще говоря, когда осознается то, что не существует, в определенном смысле рождается существование.

С другой стороны, всегда ли можно доказать, «что то, чего нет» действительно не существует? Вся история человеческой культуры показывает, что в любую эпоху, в любой культуре возникает сфера, — то более, то менее обширная — относительно которой мы не можем с уверенностью утверждать, существуют явления и процессы, которые она описывает, или нет. «There are more things...». Если вспомнить, по какому поводу сказана Гамлетом эта фраза, станет понятно, что сферы бытия и небытия не исчерпывают универсум полностью. Итак, «есть многое» на границе между бытием и небытием, чему в равной степени можно приписать как статус существования, так и противоположный статус. Вернее, нет достаточных, с точки зрения научно-эмпирических установок и представлений той или иной эпохи, оснований ни считать нечто существующим, ни считать это несуществующим. Именно там, на границе между предельными онтологическими возможностями сущего — возможностями бытия и небытия — мы обнаруживаем фантастическое, а вместе с ним — пределы нашего мышления и бытия в мире, пределы нашего опыта (в том числе и эстетического). Там возникает мир «призрачной неразличности», зыбких границ бытия и небытия. Это странное состояние (воспользовавшись выражением М. Хайдеггера, можно назвать его «обмороком бытия») порождает (этимологически ожидаемо) морок, тягостный мифический образ фантастического.

Фантастическое явление лишено окончательности, завершенности, относительно него даже трудно определенно утверждать, что оно действительно имело место: может быть, это всего лишь кажимость. В естественной реальности между человеком и внешним реальным миром устанавливается отношение общения, со-бытия, стремящееся к достижению некоторой онтологической равновесности, поскольку и субъект, и объект вместе со-стоят в бытии. А для фантастического мира характерно состояние онтологического неравновесия: сложно быть равновесным чему-либо, когда сам пребываешь в состоянии невесомости, подвешенности, своеобразного «саспенса». Это состояние, по всей видимости, детерминировано осо-

бенностями онтической структуры фантастического события. Фантастическое не является автономным родом бытия (или небытия), оно, скорее, формирует особую «фантастическую реальность», которая оказывается, по меткому выражению С.С. Хоружего, обращенного, правда, не к фантастической, а к виртуальной реальности, «не родом, а недо-родом бытия» [9. С. 56]. Пожалуй, здесь необходимо отметить семантическую двойственность характеристики: если фантастическое и представляет собой бытие, то это недовыраженное, недо-рожденное бытие и, вместе с тем, бытие, не имеющее рода, не достигшее «постановки в род».

Итак, онтологический статус фантастического оказывается неопределенным. Причем это принципиальная неопределенность: только с таким статусом фантастическое остается фантастическим. Часто фантастическое противопоставляют реальному и на этом основании отождествляют с нереальным. Вместе с тем это отождествление не выглядит безупречным. Да, в семантическом поле языка понятия «фантастическое» и «реальное» ассоциированы по контрасту и обычно рассматриваются как антонимы. Но следует заметить, что наиболее точным, семантически общим является противопоставление понятий «реальное — нереальное», которые составляют так называемую комплементарную противоположность, то есть отрицание одного из них действительно дает содержание другого. Точное же место фантастического в этом языковом пространстве обнаружить крайне сложно: фантастическое оказывается здесь инородным телом и стремится разрушить отграничительный, дизъюнктивный характер семантики антонимов.

Таким образом, фантастическое не является ни антонимом реального, ни синонимом нереального. К фантастическому, полагал С. Лем, можно отнести и «понятия объектов, не существующих в действительности», и понятия «реально существующих объектов (то есть объектов, которые могут реально существовать), но которые многие люди считают фантастическими», и явления, чья «абсолютная нереальность не подлежит сомнению», и «лишь малоправдоподобные» явления, и даже те, что «могут приобрести оттенок фантастичности» [5. С. 19, 20]. Фактически это значит, что мы всегда сталкиваемся с тем, что С. Лем называет «пробабиллистической градацией экзистенциального статуса фантастических объектов» [Там же. С. 19—20]. Модусы фантастического весьма разнообразны и даже подвержены флуктуации в гибких и текучих границах онтологической неопределенности.

Если С. Лем утверждает, что не всякое фантастическое нереально, то еще большее количество исследователей убеждены в том, что не всякое нереальное фантастично. «Всякое ли искусство, намеренно отступающее от реальности или систематически представляющее ей противовес, содержит фантастическое измерение, резерв фантастики?» — задается вопросом Р. Кайуа. Ответ его таков: «В мире ирреального вообще надлежит выделить область более узко определенную, которая включает лишь произведения, озаренные рассеянным, лишенным тени светом скрытой загадки» [4. С. 96]. С формально-логической и, разумеется, несколько упрощенной точки зрения, эта «скрытая загадка» может быть сведена к антиномии — столкновению двух суждений, одно из которых весьма доказательно ут-

верждает бытие чего-либо, а другое — не менее убедительное — утверждает его небытие. Таким образом, пока загадка не разрешена, указанное «нечто» то ли существует, то ли нет; следовательно, его онтологический статус остается неопределенным, а ситуация остается фантастической.

Здесь, «на пороге как бы двойного бытия» (Ф. Тютчев), реальное и нереальное со-бытийствуют, словно посягая на «ничейную землю» фантастического. Ведь фантастическое значит реально-нереальное; нереальное, стремительно вторгающееся в пределы реальности. По сути, фантастическое фиксирует феномен трансгрессивного акта — перехода непроходимой границы реального и нереального, возможного и невозможного. Пожалуй, лишь с учетом этого двусмысленного положения, очевидно детерминированного двойственной природой фантастики, можно принять традиционное, отмеченное выше определение: фантастическое — это не-реальное. Как привидение — ни живое, ни мертвое, одновременно и видимое, и невидимое — фантастическое является призрачным миром, сумеречной зоной, располагающейся на границе между бытием и небытием. В своих онтологических характеристиках фантастическое предстает со-бытием полюсов дуально ориентированного универсума, пограничной территорией, где получают возможность осуществления те явления и силы, которые не могут сосуществовать в ординарной реальности. Бытие фантастического никогда не дано, но всегда вопрошаемо. В рамках такого рассмотрения фантастическое служит важной мировоззренческой категорией, объединяющей феномены, состояния и процессы, онтологический статус которых остается неопределенным.

Оппозиция реального и нереального — не единственная пара категорий, относительно которых мы вынуждены позиционировать фантастическое. Понятие фантастического не может быть удержано и эксплицировано вне контекста соотношения категорий естественного и сверхъестественного. И здесь место фантастического обнаружить непросто. Достаточно очевидно, что под словом «естественное» мы сегодня подразумеваем не любые объективные природные процессы, которые на то и объективные, что обходятся без нашего мнения об их характере. Скорее, естественное для нас — это нечто согласующееся с так называемыми «законами природы», то есть теми законами, которые освящены авторитетом современной науки, соответствуют ее конвенциональным представлениям. Природное явление, разумеется, не может нарушать естественный порядок: иначе мы не вправе называть его естественным. Другое дело, что границы этого порядка нам часто неизвестны.

Понятия и представления о границах естественного и сверхъестественного, свойственные той или иной эпохе, выражают различные исторически развивающиеся смыслы этих важнейших мировоззренческих категорий. Действительность и ее восприятие нестатичны и неизбежно трансформируются. Еще недавно появление искусственно созданного биологического двойника человека было бы воспринято как нечто, безусловно противоречащее законам природы. Сегодня же в большей степени обсуждаются биоэтические аспекты и последствия клонирования, чем его принципиальная возможность. Вчерашние метафоры ныне осуществляются

буквально: рентгеновские лучи помогают «видеть насквозь», а липоскульптура и пластическая хирургия — «изменить облик» и «поменять кожу». Невозможное становится возможным, сверхъестественное — естественным. Относительность мировоззренческих категорий может быть отмечена не только на исторической шкале координат. Сегодня, как и тысячи лет назад, немалая часть человечества пребывает в убежденности в безусловной реальности сверхъестественного. Религиозные откровения, мистический опыт духовных практик, наконец, сила традиции оказываются вескими аргументами в пользу реальности сверхъестественного.

Таким образом, в контексте культуры законы природы воспринимаются как часть более широкой категории законов бытия, включающего, помимо физической природы, области сверхприродного. Является ли природа предельным основанием бытия или в мире существует некое супранатуралистическое начало, действуют сверхъестественные силы и существа? Этот философский вопрос имеет непосредственное отношение к метафизике фантастического. Прямые мировоззренческие последствия различных ответов на этот вопрос формулирует христианский теолог и писатель, автор знаменитых «Хроник Нарнии» К.С. Льюис: «Если мы решим, что природа — не все, мы не можем знать, застрахована ли она от чудес. Если же правы природоверы, можно сразу сказать, что чудес не бывает — ничто не проникнет в природу, ведь и проникать нечему. Тогда все, что мы принимаем за чудо, — просто события, неизбежно следующие из характера всей системы» [5. С. 13].

Горизонт восприятия и неразрывно связанные с ним осознание и понимание детерминируют оценку того или иного явления, события, образа как фантастического. Бинарные оппозиции реальное/нереальное, естественное/сверхъестественное, традиционно рассматриваемые как базовые для определения фантастики, оказываются недостаточными. В качестве дополнительного, но принципиального для понимания фантастического концепта выступает категория веры, которая при этом не связывается исключительно с религией, а интерпретируется как типичный, обязательный феномен индивидуальной и коллективной ориентации (субъективная уверенность, доверие, следование авторитетам, нормативным культурным представлениям). При этом отношение «вера — неверие» не просто подкрепляет, уточняет указанные отношения «реальное — нереальное», «естественное — сверхъестественное», но воспринимается как основной критерий выявления специфики фантастического.

Проблемы веры и знания, сомнения и достоверности, столь значимые для категории фантастического, связывают ее с эпистемологической проблематикой. Наш «жизненный мир» — всегда есть «круг уверенностей» (Э. Гуссерль), к которым мы относимся с давно сложившимся доверием как к чему-то, безусловно значимому и достоверному. Очевидности «жизненного мира», собственно и выступают, с точки зрения феноменологии Э. Гуссерля, критерием достоверности, формируют комплекс уверенностей, привычных ориентаций, фундирующих наше знание о мире. Такой подход, по сути своей близкий к интенциям феноменологии, характерен и для Л. Витгенштейна, который использует понятие «система

веры», подчеркивая, что «когда мы начинаем верить чему-то, то верим не единичному предложению, но целой системе предложений, в которой следствия и посылки взаимно поддерживают друг друга» [1. С. 78].

Такая системность веры, по всей видимости, и обеспечивает субъекту необходимый уровень эпистемологической и герменевтической стабильности, в конечном счете позволяя действовать адекватно своим представлениям. По большей части, нам вполне достаточно тех коллективно признанных объяснений и интерпретаций, которые и составляют то, что Х. Ортега-и-Гассет называет «коллективной верой». Обычно мы руководствуемся огромным количеством самых разнообразных верований-знаний: от убежденности в том, что «стены непроницаемы», до веры в то, что «смерть неизбежна». Однако иногда возникают ситуации, для которых в нашем арсенале не оказывается «подходящих» верований, прочных ментальных установлений. Вот тогда в «прорехах, или пустотах, верования» возникают идеи и образы, рождающиеся из сомнения, которое происходит из того же мира, что и верования. Ортега даже полагает, что сомнение представляет собой «способ существования верования, в общем устройстве жизни оно принадлежит тому же уровню, что и верования. В сомнении тоже пребывают» [7. С. 473]. Впрочем, даже если это действительно так, сомнение открывает нам совершенно другую реальность: неустойчивую, двусмысленную, двуликую. Испытывать сомнение — значит пребывать в альтернативе двух верований, сталкивающихся друг с другом. Со-существование двух противоположных верований приводит к сомнению.

Сопровождающее фантастическую ситуацию сомнение отнюдь не тождественно скептическому предубеждению, холодному, эмоционально не вовлеченному скепсису безучастного наблюдателя. Не является оно и всего лишь интеллектуальной игрой, логическим упражнением. В своих аксиологических характеристиках фантастическое — это экзистенциально значимая проблема, ищущая и не находящая решения, ставящая человека перед лицом выбора. Здесь обнаруживает себя (и одновременно собственное бессилие) то, что У. Джеймс называл «волей к вере». Фантастическое событие — возможно лучший пример ситуации, когда «наша эмоциональная природа не только имеет законное право, но и должна делать выбор между двумя положениями», поскольку «выбор этот подлинный и по природе своей недоступен решению на интеллектуальных основаниях» [2. С. 14—15]. Таким образом, если вера предстает базисным феноменом человеческой деятельности, универсалией человеческого мышления и понимания, повсеместно проявляющейся «формой жизни», то место сомнения — это брешь в субстанциональности сущего, пропасть, через которую не проходят каузальные связи. Сомнение — это люк, провал в устойчивой реальности, разрыв в цепи достоверного, а стало быть, всегда разрушение картины мира.

В переживании фантастического — словно квинтэссенция чувства сомнения: «В сомнениях пребывают как в пропасти, — иными словами, падая. Ибо это отрицание стабильности. Мы внезапно ощущаем, что почва уходит из-под ног, и кажется, что мы падаем в пустоту, что ухватиться не за что и жить нечем. Слов-

но сама смерть вторгается в нашу жизнь, словно при нас зачеркивают наше собственное существование» [7. С.473]. Там, где фантастическое — нет места ни эпистемологической, ни герменевтической стабильности. Состояние фантастического — неустойчивое, ускользающее, промежуточное между верой и неверием, беспокойное, напряженное. Оно не может длиться вечно, ведь «естественная человеческая реакция на разверзающуюся в тверди его верований пропасть — постараться вынырнуть из «пучины сомнений», заменить нестабильный, двусмысленный мир на мир, в котором нет места двусмысленности» [7. С. 475]. Но окончательно разрешить сомнения значит устранить фантастическое, которое вынуждено балансировать на грани веры и неверия, постоянно предъявляя доказательства, которые, однако, не могут быть приняты окончательно, вновь и вновь ставя под сомнение казалось бы твердо установленные факты. Здесь не нужна та незыблемая вера, удельный вес которой составляют тщательно собранные и неоспоримые доказательства. С другой стороны, фантастическое — пока оно остается фантастическим — не утрачивает доверие полностью и окончательно.

Таким образом, фантастическому состоянию веры чуждо так же, как и состояние неверия. Вызывающее безусловное доверие, как и очевидно невозможное, совершенно неправдоподобное, в равной степени не могут получить статус фантастического. Фантастическими мы называем явления, относительно реальности или нереальности, естественной или сверхъестественной природы которых мы не в состоянии вынести окончательного суждения, пребывая в сомнении и колебании. В этом смысле философия фантастического всегда есть философия неуверенности. Применительно к жанровой специфике художественного произведения французский структуралист, автор наиболее авторитетной на сегодняшний день концепции литературной фантастики Ц. Тодоров сформулировал это так: «Мы попали в самую сердцевину фантастического жанра. В хорошо знакомом нам мире, в нашем мире, где нет ни дьяволов, ни сильфид, ни вампиров, происходит событие, не объяснимое законами самого этого мира. Очевидец события должен выбрать одно из двух возможных решений: или это обман чувств, иллюзия, продукт воображения, и тогда законы мира остаются неизменными, или же событие действительно имело место, оно — составная часть реальности, но тогда эта реальность подчиняется неведомым нам законам... Фантастическое существует, пока сохраняется эта неуверенность; как только мы выбираем тот или иной ответ, мы покидаем сферу фантастического и вступаем в пределы соседнего жанра — жанра необычного или жанра чудесного. Фантастическое — это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» [8. С. 18].

Итак, фантастическое понимается как мировоззренческая категория, фиксирующая разрыв в привычном бытии, вызванный таким пересечением границы естественного и сверхъестественного, в результате которого воспринимающий испытывает колебание в отношении реальности происходящего. Сам факт фантастического события (всегда неочевидный и двусмысленный) не просто раздвигает «тесные пределы естества» (Н. Гумилев), но смазывает, размывает ясную и непротиворечивую картину реальности, той единственной необходимой нам реальности, в которой то, что есть, отделено от того, чего нет. Неопределенность бы-

тия, по всей видимости, наиболее точно и полно выражающая онтологический статус фантастического, порождает мироощущение, доминирующим началом которого является смятение чувств, в котором мучительные сомнения, эмоциональные и интеллектуальные колебания, особая, экзистенциального свойства тревога становятся проявлением статуса эпистемологического. Фантастический сюжет возникает, когда происходит переход в структуре алетических модальностей (возможное — невозможное — необходимое), а оформляется в процессе сдвига эпистемических модальностей (знание — полагание — неведение). Таким образом, фантастическое выступает в качестве художественно-эмпирического инструмента метафизики, позволяющего — посредством манифестации полионтичности — сравнивать различные «реальности», исследовать грани и пределы бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. — 1991. — № 2.
- [2] *Джеймс У.* Воля к вере. — М.: Республика, 1997.
- [3] *Джойс Дж.* Улисс. — СПб.: Симпозиум, 2000.
- [4] *Кайуа Р.* В глубь фантастического. Отраженные камни. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006.
- [5] *Лем С.* Фантастика и футурология: В 2-х кн. — Кн. 1. — М.: АСТ, 2004.
- [6] *Льюис К.С.* Чудо. — М.: Гнозис; Прогресс, 1991.
- [7] *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. — М.: Искусство, 1991.
- [8] *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
- [9] *Хоружий С.С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальной реальности // Вопросы философии. — 1997. — № 6.

PHILOSOPHICAL CONCEPTUALISATION OF THE PHENOMENON OF FANTASTIC

A.N. Mikhaylov

Department of History and Culturology
Moscow Power Engineering Institute
(Technical University)

Krasnokazarmennaya str., 14, Moscow, Russia, 111250

The article presents an attempt to illuminate and discuss the possibility of conceptualizing the fantastic in the frameworks of classical and postmodern philosophical paradigms. It is suggested that primary concepts include ontological (being and nonbeing), epistemological (belief and doubt), and worldview (natural and supernatural) categories. Building upon the aforementioned notions, the author adds new constructs from the arsenal of post-nonclassical philosophy (transgression and limit). The study shows that theorizing about the transgressional experience of fantastic is only possible through overcoming the common belief in the dichotomy between real and unreal, natural and supernatural, reliable and unbelievable. Only such an approach is conducive to maintaining the unified meaning of the phenomenon of fantastic.